

Р.З. Закиров

К проблеме изучения источников по истории татарского народа в XX в.

Новейшая история татарского народа последнего столетия чрезвычайно богата и насыщена в содержательном плане. Тем не менее динамика ее развития весьма переменчива, она отражает все те общественно-политические и социально-экономические процессы, которыми жила страна в целом. Бывали годы такого стремительного развития, какие не происходили и за века. И наоборот, в силу внешних причин на целые десятилетия национальная жизнь замедлялась и даже стагнировала. И хотя наше исследование делает упор на эволюцию татарского народа и его общественных движений в последние два десятилетия, мы сочли необходимым более широкий охват событий в исторической ретроспективе.

На наш взгляд, такой подход целесообразен по нескольким причинам. Во-первых, какие бы события ни происходили в современном мире, генезис их восходит к далекому или близкому по большей части прошлому. А во-вторых, специфика российской (советской) истории такова, что многие сегодняшние явления, по сути, являются следствием тех процессов, которые оказались как бы заморожены большевистским переворотом 1917 г. и последовавшим за этим установлением тоталитарного режима на долгие семь десятилетий. Скажем, начавшиеся после революции 1905 г. процессы становления демократических институтов государства, парламентаризма, либеральных отношений в обществе, обретшие еще больший динамизм после Февральской революции 1917 г., были фактически прерваны и заморожены с приходом к власти большевиков. И когда спустя семьдесят с лишним лет эти процессы возобновились в России, мир уже ушел далеко вперед в развитии того, что принято сегодня называть гражданским обществом. Поэтому сегодня Россия как бы вынуждена догонять остальной мир.

Таким образом, можно сделать вывод, что любые либеральные послабления и элементы демократизации, вызванные стагнацией авторитарных режимов (а рано или поздно это неизбежно), как правило, дают импульс всевозможным общественным движениям. Это общее правило отчетливо прослеживается в российской истории, особенно применительно к развитию татарского народа. Так было во время реформ Екатерины II, Александра II, а также революционных событий 1905 и февраля 1917 гг. Собственно, и горбачевская перестройка была вызвана необходимостью реформирования и модернизации обанкротившегося

тоталитарного режима, установленного большевиками. И снова ослабление режима, вынужденные либеральные реформы дают толчок к возрождению общественных движений татарского народа, как бы замороженных большевистским переворотом 1917 г. с его Гражданской войной и жесткими массовыми репрессиями. Однако нельзя не видеть, что подавленное внутри страны национальное движение татарского народа не прекращалось за его пределами. Татарская политическая эмиграция была одной из самых активных среди всех выходцев из России и СССР.

Что касается временных рамок зарождения татарского национального движения, то нам представляется целесообразным вести отчет со дня организационного его оформления на I Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся в августе 1905 г. С этого времени, вплоть до большевистского переворота в 1917 г., шло в основном поступательное развитие общественных движений татарского народа. Однако в советской историографии этот чрезвычайно насыщенный период новейшей истории татарского народа замалчивался. Тем не менее отдельные работы, рассматривающие эту эпоху с позиций идеологической заданности, появлялись. К числу редких серьезных работ того времени можно отнести основательное исследование Х. Хасанова «Формирование татарской буржуазной нации» [1]. Несмотря на всю идеологическую шелуху своего времени, этот труд чрезвычайно богат фактологией. Конечно, книга перегружена обличением «буржуазного национализма», «пантюркизма», «панисламызма», выискиванием «классовой борьбы татарских трудящихся против феодально-байских эксплуататоров», но тем не менее она вводит в научный оборот замалчиваемые тогда имена деятелей татарского возрождения начала XX в.: Абдурашита Ибрагимова, Юсуфа Акчуры, Садри Максуди, Гаяза Исхаки и многих других. С позиций «марксистско-ленинской критики» анализируются Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг., деятельность партии «Иттифак аль-муслимин», а также мусульманских фракций Государственной Думы. Надо отдать должное автору за то, что в условиях «партийного подхода» к исторической науке он достаточно объективно показал поступательное развитие национальной культуры и системы образования татарского народа на рубеже XIX–XX вв.

В книге также есть попытка критического разбора идейного течения джадидизма в татарской обществен-

ной мысли. Автор объясняет это явление происками татарской буржуазии и дает ему негативную оценку. Сегодняшние исследования татарской общественной и философской мысли дают джадидизму диаметрально противоположную оценку. Совершенно справедливо оценивать джадидизм как идеологию религиозного и национального обновления, модернизации жизни мусульман, системы их образования и культуры в широком смысле слова. Впрочем, именно такая оценка джадидизма дается известными оппонентами советских историков и обществоведов Александром Беннигсенем и Шанталем Лемерсье-Кельеже [2], а также Эдвардом Лаззери [3].

Завершая обзор фундаментального и уникального для своего времени труда Хусаина Хасанова, необходимо отметить богатую фактологию, касающуюся процессов в национальной литературе, театре, музыке и других жанрах искусства. В книге приводится обстоятельный и подробный список представителей татарского торгово-промышленного капитала с описанием их производств, относящихся к различным отраслям дореволюционной экономики России. Эти достоинства книги придают ей актуальность и по сегодняшний день.

Среди фундаментальных исследований советского периода необходимо назвать также коллективный труд «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», вышедший в московском издательстве «Наука» в 1967 г. [4]. В условиях советской цензуры и замалчивания подлинных фактов новейшей истории татарского народа дооктябрьского периода книга представила читателю достаточно объективную картину национальной жизни рубежа XIX–XX вв. **Она также богата** статистическими данными и компаративным (сравнительным) анализом развития различных народов Российской империи. Недостатки книги, конечно же, обусловлены идеологическими установками того времени.

Большой интерес представляют исследования по татарской истории, появившиеся за рубежом и написанные с позиций оппонирования официальной советской идеологии. Среди них в первую очередь следует выделить фундаментальный труд Тамурбека Давлетшина «Советский Татарстан» [5], вышедший в 1974 г. в Лондоне. Концептуально книга, конечно, резко отличается от аналогичных советских трудов. Она написана живым языком и совершенно раскованно идеологически. И хотя советские специалисты по критике антикоммунизма обрушили на автора массу обвинений в необъективности, предвзятости и т.д., именно фактологическая насыщенность, безупречная логика и основательная научная база отличают эту книгу.

Автор достаточно подробно анализирует процессы и события новой и новейшей истории татарского народа, причем под весьма острым критическим углом зре-

ния. Основное внимание он уделяет анализу советского периода татарской истории. Будучи специалистом права и экономики, Т. Давлетшин подробно разбирает хозяйственные аспекты деятельности коммунистического режима и систематическое ущемление прав различных народов (в частности, крымских татар) в СССР. Большое внимание уделено также многоуровневому национально-государственному устройству страны. Показывается несправедливость второсортного автономного статуса ТАССР в отношении семи-миллионного татарского народа, вследствие которого ограничивалась институциональная база поддержки его богатой культуры, системы образования. Все это ставит книгу Т. Давлетшина в ряд лучших трудов по новейшей истории татарского народа.

Для нас особенно ценно то, что автор достаточно подробно описывает эволюцию татарского национального движения с начала XX в. **Весьма** подробно анализируются события после Февральской революции 1917 г., когда началась стихийная самоорганизация татарского народа. В этот короткий период ярко проявили себя как народные массы, так и лидеры нации. На обширном фактическом материале, документах тогдашних национальных организаций и их форумов показана широкая панорама социального и политического движения татарского народа. Конечно, эти документы были недоступны для исследователей в Советском Союзе. Те, что находились в стране, были закрыты для любого использования. А те, что были вывезены национальными лидерами в эмиграцию или были продуктом деятельности политической эмиграции, могли быть использованы только зарубежными авторами.

Кроме того, несомненным преимуществом Т. Давлетшина было его непосредственное общение с выдающимися лидерами нации, ярко проявившими себя в бурных процессах начала XX в. и **оказавшимися** в эмиграции. Оценка и суждения непосредственных участников событий, видевших процессы что называется изнутри, имеют, конечно, непреходящее значение для исторической науки.

В трудах различных авторов становление тюрко-татарской нации и его общественно-политических движений в начале XX в. **освещается в самых** различных ракурсах. В этом плане большой интерес представляет фундаментальная монография Д.М. Усмановой «Мусульмане – представители в российском парламенте 1906–1916» [6]. К несомненным достоинствам книги необходимо отнести ее весьма обширную источниковедческую базу. Автор обратилась к законодательным и нормативным актам того времени, документам делопроизводства, официальной переписке, партийным документам, периодической печати, общественно-политическим текстам и мемуарам различных деятелей той эпохи, а также к их личной переписке. В результате перед нами предстает широкая панора-

ма общественно-политической активности российских мусульман в контексте становления парламентаризма в стране, которая фактически управлялась полицейским режимом. Так, в главе «Становление тюрко-татарского политического движения (начало XX века)» подробно описываются все перипетии проведения первых трех всероссийских мусульманских съездов, из которых только один получился легальным. И даже этот единственный легальный **III съезд в Нижнем Новгороде** летом 1906 г. был разрешен, оказывается, полицейскими властями по недоразумению и несогласованности чиновников, как показывает автор. Попытка провести **IV Всероссийский мусульманский съезд** в январе 1907 г. в Санкт-Петербурге была сорвана, хотя намерения организаторов были самые благие – выработать общую линию предвыборной агитации для избрания своих депутатов в Государственную Думу третьего созыва.

Парадокс политической жизни царской России того периода заключался в том, что никакая легальная общественно-политическая активность мусульман в принципе не допускалась и вся она была вынуждена сосредоточиться вокруг деятельности мусульманских фракций в Государственной Думе различных созывов. Автор показывает это на обширном фактическом материале. В книге приводятся по сути даже анекдотические ситуации, возникавшие в связи с общественно-политической деятельностью мусульман. Так, получило большую известность свадебное мероприятие в Чистополе, на котором около двухсот гостей больше обсуждали общественные проблемы, нежели поздравляли новобрачных [6, с. 133]. Таким образом, тюрко-татарскому национальному движению приходилось действовать под мощным прессом полицейского государства. Не случайно многие общественные дискуссии того времени были вынуждены вестись в рамках обсуждения, к примеру, методики обучения в конфессиональной школе (медресе). Собственно, идеологическое течение джадидизма возникло и развивалось именно в таких формах.

Общественно-политическая активность российских мусульман была вынуждена концентрироваться вокруг деятельности их представителей в Государственной Думе, побуждала их придумывать необычные формы работы. Так, несмотря на активное противодействие властей, при мусульманских фракциях различных созывов создавались неформальные бюро по связям с общественностью. Они готовили проекты различных документов, которым давали ход депутаты. По сути, такое бюро было интеллектуальным центром многомиллионной мусульманской уммы России. Особенно активно оно действовало в Думе четвертого созыва. Не случайно после Февральской революции 1917 г. именно активисты бюро при мусульманской фракции Госдумы – С. Максуди, Г. Исхаки, З. Валиди и другие – сумели возглавить процессы стихийной

самоорганизации мусульманских масс. Этот переломный момент российской истории по своей насыщенности и динамизму национальных процессов для тюрко-татар внутренней России и Сибири оказался поистине революционным. За несколько бурных месяцев 1917 г. они сумели выстроить, по сути, национально-государственные структуры очень высокого уровня (парламент, правительство, вооруженные силы и др.), т.е. фактически заложили основы собственной национальной государственности.

События той поры очень подробно рассматриваются и анализируются в монографии московского историка Салавата Исхакова [7]. Автору удалось представить широкую панораму как общественного мусульманского движения в начале 1917 г., так и его фрагментацию во второй половине того же года в силу многофакторных причин. Как оказалось, доминирующей тенденцией выступили этнонационализм и этнорегионализм различных мусульманских народов империи. Автор опирается на обширную фактологию и источниковую базу, показывая процессы в Поволжье, на Урале, в Сибири, Центральной Азии, Закавказье и Крыму. Научная объективность и строгая логика красной нитью пронизывают это, безусловно, фундаментальное исследование той короткой, но бурной и насыщенной поры российской истории. И эта логика заставляет автора концентрировать внимание в основном на процессах, происходивших в среде тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Автор справедливо пишет, что «достоверной истории мусульман в России в 1917–1918 гг. еще не создано» [7, с. 98]. **И его работа существенным образом восполняет этот пробел.**

В заслугу автору можно поставить его смелое вторжение в малоизученные и спорные моменты рассматриваемого отрезка истории. Так, рассмотрев самые различные точки зрения и большой фактический материал, автор показывает, что весной 1918 г. в Казани все-таки была провозглашена Идель-Уральская советская республика, получившая в советской историографии презрительное название «Забулачная республика». Другая, заслуживающая внимания, новелла заключается в том, что С. Исхаков обоснованно приходит к умозаключению о фактической институционализации Штата Идель-Урал в ноябре 1917 г. – с началом работы в Уфе национального парламента тюрко-татар Миллэт мәжлесе. Однако, на наш взгляд, автор, анализируя социально-психологические аспекты поведения мусульман той эпохи, недостаточно внимания уделяет фактору их отчужденности от государства, на протяжении столетий подвергавшего их нещадной эксплуатации и дискриминации, попиравшего их религиозные и национальные чувства, систематически нарушавшего их гражданские права. Хотя именно этот вполне очевидный фактор постоянно выходит на первый план из той источниковой базы,

которую выстраивает автор. При всей концептуальной новизне и оригинальности подходов, реализованных в книге, автору, как нам представляется, не удалось до конца избавиться от стереотипов советского характера. Так, постоянное педалирование автора на отсутствие в мусульманской среде идей пантюркизма и панисламизма дает обратный эффект и начинает походить на попытки самооправдания, хотя бы и постфактум. Гораздо более логично обратить внимание на генезис таких идей. Между тем идеи общетюркского и общемусульманского единства естественным образом порождались логикой антиколониальной борьбы этих народов. И эти достаточно очевидные вещи подробно изложены в литературе, в частности, в трудах М. Султан-Галиева, которые часто цитируются в книге С. Исакова.

Одним из ведущих специалистов по исламу в татарской среде, безусловно, является крупнейший российский исламовед Рафик Мухаметшин. Его обстоятельный труд «Татары и ислам в XX веке» [8] отличается широтой охвата источниковедческой базы, богатой фактологией и глубиной анализа. Для нас этот труд представляет особый интерес, поскольку он подробно рассматривает все институциональные элементы национальной жизни татар в контексте мусульманской идентичности народа. Автор всесторонне анализирует развитие национальной культуры, системы образования и общественно-политических движений татарского народа. Ему удалось показать влияние идеологических факторов, в частности джиддизма, на эволюцию татарского народа в XX в. В целом книга отличается концептуальной новизной, всесторонним охватом современной общественно-политической мысли татарского народа.

В другой своей работе Р. Мухаметшин дает подробный анализ различных идейных течений в современной общественной мысли татарского народа [9]. Действительно, сегодня татарская общественность достаточно активно обсуждает проблемы модернизации ислама, поведенческих аспектов жизни современных мусульман, отношения к ценностям демократии и либерализма, соотношения национального и религиозного в процессах духовного возрождения и т.д. Автор вычленяет несколько идейных течений, заслуживающих научного рассмотрения. В частности, он дает анализ книге известного деятеля национального движения Р. Сафина «Татар юль» («Татарский путь») [10], совершенно справедливо возражая последнему в его геополитических штудиях, что народ, лишенный самостоятельной государственности, не может помышлять ни о какой геополитике. Автор также критически анализирует нашумевшую концепцию «евроислама» [11], убедительно показывая бесплодность попыток «локализации» ислама как в географическом, так и концептуальном смысле.

Рассмотрение проблем современного татарского национального движения было бы неполно без

обращения к теме национальных общин народа в регионах Российской Федерации и стран зарубежья. В нашей работе этому уделено значительное внимание. Необходимо сказать, что в советскую эпоху эта тема замалчивалась, а сама национальная жизнь структурировалась разве что в рамках сельских поселений татар. Между тем регионы компактного проживания татар удивительным образом концентрируются по периметру Республики Татарстан, и их численность превышает 2 миллиона человек. Так, в соседнем Башкортостане проживает свыше 1 миллиона татар. Такое расселение народа создает серьезные проблемы в обеспечении единой национальной жизни, общего духовного и информационного пространства. Собственно, Всемирный конгресс татар возник именно из этих потребностей. Когда в конце 80-х гг. XX в. началась фактически стихийная самоорганизация татарского народа в рамках движения татарских общественных центров, соотечественники, естественно, обратили взоры прежде всего к исторической родине – Татарстану. Под мощным давлением национальной общественности руководство республики не могло оставаться в стороне от этих процессов. Сегодня, когда в Российской Федерации стали уделять серьезное внимание работе с соотечественниками, было бы уместно подчеркнуть, что именно Татарстан в начале 90-х гг. прошлого века первым приступил к этому важному делу.

В 1997 г. в Набережных Челнах вышел очерк Р.Б. Гайнетдинова «Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы», написанный по материалам его кандидатской диссертации [12]. Эта небольшая книга фактически положила начало не только систематическому исследованию истории диаспоры, но и стала, по мнению академика М.Х. Хасанова, отправной точкой духовной реабилитации видных деятелей татарской эмиграции, вычеркнутых из памяти народа большевистской идеологией. Эта книга представлена в Лондонской публичной библиотеке, библиотеке Конгресса США, турецких и немецких библиотеках, вошла в электронные каталоги Интернета: «Русское зарубежье», «Эмиграция», «Гражданская война в России»; без ссылок на нее не обходятся исследователи дореволюционной эмиграции тюркских народов России.

Следующий кардинальный переворот в современной социально-политической истории татарского народа совершил исследователь Казанского университета Искандер Гилязов. В своей книге «На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны» он сделал попытку серьезного и взвешенного анализа проблемы татарского коллаборационизма» [13]. Ценность указанной монографии прежде всего в том, что впервые без идеологических оценок, объективно и скрупулезно, на основании большого количества

зарубежных архивных материалов освещены попытки нацистской Германии привлечь восточные народы СССР к военному и политическому сотрудничеству на своей стороне. Выводы автора имеют и важное социально-политическое значение: на самом высоком профессиональном уровне разрушен миф о тысячах наших соотечественниках, якобы сражавшихся в годы Второй мировой войны против своей Родины в рядах легиона «Идель-Урал».

Говоря о зарубежной татарской историографии, следует отметить, что, несмотря на то, что диаспора представлена практически во всех крупнейших европейских и ведущих азиатских государствах (Китае, Японии), а также во всем СНГ и Балтии, за исключением Армении, она представлена лишь в отдельных странах. Ведущие зарубежные историки и обществоведы, обращавшиеся к «татарскому вопросу» в конце XX столетия, были представлены в Великобритании (М. Броуксон), Франции (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Кельеже), США (Р. Пайпс, Ю. Шамильоглу, Азаде-Айша Рорлих), ФРГ (А. Авторханов, Т. Давлетшин, Г. Султан), Турции (Н. Девлет, Г. Акыш), Польше (С. Хазбиевич, А. Ахматович), Литве (Т. Байрашевская), Беларуси (И. Канапацкий), Китае (М. Чанышев), Казахстане (Г. Хайруллин).

Исследователь Р.Б. Гайнетдинов справедливо пишет, что «в период, когда отечественная обществоведческая наука умалчивала о целых периодах национальной истории народов Поволжья и Приуралья, зарубежная историография продвинулась в этом направлении далеко вперед. Именно благодаря наличию на Западе солидной историографической базы об этих деятелях во многом удалось восстановить в истории народов имена их великих представителей» [12, с. 28]. Заслуживает высокого признания многолетняя плодотворная деятельность видного тюрколога Надира Девлета. Сын татарских эмигрантов из Маньчжурии, воспитывавшийся в Турции, многие годы проработавший в татаро-башкирской редакции радиостанции «Свобода», с 1984 г. он проживает в Турции и, занимаясь научно-исследовательской и преподавательской работой в крупнейших турецких университетах, посвятил себя изучению татарского национально-освободительного движения. О глобальном подходе к изучению этих проблем говорит перечисление разделов его докторской диссертации «История национально-освободительной борьбы тюрков России в 1905–1917 гг.». Известным трудом, продолжившим научные изыскания Н. Девлета в области национального движения, стала изданная в 1998 г. его монография «Октябрьская революция 1917 года и тюрко-татарский Национальный конгресс» (на турецком языке) [14]. В указанных работах детально освещены вопросы реформаторских движений тюркских народов в Урало-Поволжье, Крыму, на Кавказе и в Средней Азии, история татарского кни-

гопечатания, деятельность джадидских учебных заведений, политических движений и партий тюркских народов, участие депутатов-мусульман в работе I–IV Государственных Дум, вопросы культуры, литературы, науки и искусства тюрко-татар. Пожалуй, Надир Девлет – единственный из зарубежных исследователей, достигший уровня энциклопедического освещения тюрко-татарского национально-освободительного движения начала XX в.

В Польше фундаментальные исследования истории, быта и культуры польско-литовско-белорусских татар берут начало еще в XX в. К истории этой части татарского этноса обращались выдающийся востоковед Антон Мухлинский, муфтий Польши Якуб Шынкевич, варшавский имам Али Воронович и ученый Станислав Крычинский. В 1929 г. был издан «Гербовник татарских родов в Польше», в котором были представлены 12 генеалогических таблиц. В 1930-е гг. здесь выходили периодические издания «Пшегленд Исламски», «Речник Татарски», «Жиче Татарске». Война и пребывание Польского государства в социалистическом лагере прервали научные изыскания, касающиеся татарской части польского общества. После распада социалистического блока периодические издания польских татар были восстановлены. В 1986–1991 гг. здесь издавался ежеквартальный «Жиче Мусульманске», продолживший традиции прежних татарских изданий. С 1993 г. выходит альманах Союза польских татар «Рочник Татарув польских». Его бессменным редактором является видный ученый-тюрколог Селим Хазбиевич.

В бывших республиках Советского Союза – ныне независимых странах – татароведения в советское время, можно сказать, не было. Историография татарского народа ограничивалась тогда, согласно партийным установкам, историей ТАССР. Те немногие исследователи, которые брались за эту тему, ограничивались, как правило, региональными исследованиями этноса и во многом рисковали, если их выводы не соответствовали официальным идеологическим установкам в отношении татарского народа. Так, например, в Беларуси, где местный историк И.Б. Канапацкий вместе с московским исследователем С.В. Думиным выпустили в 1993 г. книгу «Белорусские татары: прошлое и современность» (на белорусском языке) [15]. Авторы небезосновательно подверглись серьезной критике со стороны своих казанских коллег в связи с тем, что выделяли польско-литовско-белорусских татар в отдельный этнос. Впоследствии И.Б. Канапацкий пришел к выводу о целостности татарского народа и в переработанном русском издании намеревался опубликовать свои выводы, однако преждевременная смерть не позволила осуществить задуманное. В 2000 г. в Минске издана книга И.Б. Канапацкого и И.А. Смолика «История и культура белорусских татар». В настоящее время исследования в отношении

культуры и истории белорусских татар продолжает его дочь – З.И. Канапацкая.

В Литве активное изучение региональной истории польско-литовских татар началось в постсоветский период. Начало этому положил выход в свет в 1995 г. книги Тамары Байрашевской «Литовские татары в XIX веке». Однако татароведение в Литве конца XX в. характеризуется в основном многочисленными публицистическими изданиями, авторами которых являются журналисты и общественные деятели – Минсаид Байрашевский, Адомас Асанавичюс, Ромуальдас Макавкецкас, Галим Ситдииков. В настоящее время молодыми литовскими учеными татарского происхождения, докторами наук Адамом Якубаускасом (филология) и Галиной Мишкинене продолжено изучение этноса в научном плане. Основной упор указанными авторами делается на поиск, изучение, введение в исторический оборот сохранившихся у населения археографических источников по истории польско-литовских татар.

Конечно, национальная идеология татарского народа на рубеже XIX–XX вв. **формировалась не** в безвоздушном пространстве. С одной стороны, интенсивная, насыщенная внутренняя духовная жизнь мусульман Российской империи породила идеологию джадидизма, своеобразной исламской реформации. С другой стороны, на российских мусульман, несомненно, оказывали значительное воздействие общественно-политические процессы в России и за рубежом. Дело в том, что к концу XIX в. **татарский** национальный капитал достаточно окреп и обрел конкурентоспособность. И в этом своем новом качестве он стал испытывать большую потребность в квалифицированных кадрах и новых идеях, способных обеспечить этническую мобилизацию этих кадров. Поэтому немалое число мусульман из обеспеченных слоев татарского общества оказалось в зарубежных учебных заведениях (в основном европейских), поскольку доступ в российские вузы для них тогда был закрыт. Например, в начале XX в. **два выдающихся деятеля** татарского национального движения – Юсуф Акчура и Садри Максуди – находились в Париже, обучаясь в знаменитом университете Сорбонна [16, с. 35–41]. Как известно, эти два творца национальной идеологии с большим увлечением изучали труды Эрнеста Ренана (в частности, его знаменитое произведение «Что такое нация?»), Отто Бауэра и других европейских авторов. Серьезные размышления Юсуфа Акчуры о нации и государственности российских мусульман изложены в его известном труде «Уч тарзи сийасат» («Три вида политики»), написанном в 1903 г. и опубликованном с продолжениями в каирской газете «Тюрк» в 1904 г. В 1907 г. он выходит отдельной брошюрой и вызывает большой интерес в мусульманских кругах Российской империи. Не случайно впоследствии видный татарский писатель и активный деятель советского

строительства в Татарстане Галимджан Ибрагимов характеризовал Юсуфа Акчуру как самого основательного лидера татарской буржуазии [17].

Что касается Садри Максуди, то основательную теоретическую подготовку, полученную в одном из лучших университетов Европы, он активно использовал в своей парламентской деятельности, будучи депутатом Госдумы и членом ее мусульманской фракции. Бесспорным лидером нации Садри Максуди стал после Февральской революции 1917 г. в России. Им были разработаны как концептуальные основы Национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, так и конкретные правовые акты, положения об институциональных структурах этой формы самоопределения татарского народа, осуществленной в июле 1917 г. Находясь в России, Садри Максуди все свое время посвящал политической и юридической практике, в частности, будучи депутатом Государственной Думы. Основные его теоретические труды появились уже в эмиграции, когда он всего себя посвятил академической деятельности в различных университетах Европы и Турции. Его труды освещают в основном исследование в области истории тюркских государств и их правовых систем, а также философские проблемы юриспруденции. Однако его произведение «*Milliyet duygusunun sosyolojik esaslari*» («**Социологические основы национальных чувств**») посвящено подробному анализу национальных проблем XX в. [18]. Этот труд имел большой успех в Турции и выдержал три издания, он также переведен на французский, немецкий и английский языки.

Татарское национальное движение первой половины XX в. дало немало выдающихся деятелей, каждому из них можно было бы посвятить самостоятельное исследование. Однако о Гаязе Исхаки нельзя не сказать отдельно, ибо по масштабу личности и деятельности он, пожалуй, превосходит всех остальных. Он не побоялся бросить вызов большевистскому режиму и возглавил татарское национальное движение в эмиграции. Если либерал Садри Максуди мучительно эволюционировал от идеи культурно-национальной автономии (кстати, до сих пор не нашедшей практических форм воплощения) к необходимости воссоздания территориальной государственности татарского народа, то Гаяз Исхаки, будучи более радикальным политиком, сразу поддержал идею Штата Идель-Урал в составе федеративной России. Жестокость и коварство большевиков, фактически поведших дело к ассимиляции и русификации народов под флагом пролетарского интернационализма, заставили Гаяза Исхаки идти до конца в развитии татарской национальной идеи. В своем произведении «Идель-Урал», вышедшем в Париже в 1933 г., Г. Исхаки изложил концепцию воссоздания независимого государства татарского народа [19]. Книга

Г. Исхаки вызвала широкий резонанс не только в среде мусульманских мухаджиров, на нее откликнулась и русская эмиграция. В частности, знаменитый Федор Керенский выступил в русской эмигрантской печати с серией статей под общим заголовком «Независимость Казани невозможна».

Вообще, если внимательно всмотреться в общемировой контекст национальных проблем любого ареала планеты, нетрудно обнаружить общие, типические черты этих явлений. Не будет преувеличением сказать, что в последние два столетия становление и развитие различных наций, возникновение на этой почве новых государств, сам феномен национализма стали важнейшими и определяющими факторами мировой истории. Даже устоявшаяся европейская цивилизация подвержена перманентным геополитическим изменениям. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить различные карты Европы с интервалом, скажем, в пятьдесят лет за последние два века. Пассионарная энергия народов сама дает ответ на вопрос «Что приоритетнее: принцип нерушимости границ или международно признанное право наций на самоопределение?». Мировое сообщество было вынуждено признать это право после Первой мировой войны, в результате которой распались многонациональные империи Габсбургов и турок-османов. Даже от Российской империи отпали Польша, Финляндия и балтийские государства. Тем не менее большевикам удалось сохранить многонациональную, по сути, империю под обликом социалистического государства. Однако общая тенденция мирового развития все равно возобладала в конце XX в. и Советский Союз также распался на отдельные национальные государства.

В Советском Союзе теоретические проблемы «национального вопроса» активно разрабатывались в рамках «марксистско-ленинского учения». Неудивительно, что в конечном счете эти «штудии» оказались не совсем адекватны реалиям жизни. Все это отчетливо дало о себе знать в последние годы существования СССР. В сущности, национальная политика КПСС во многом была манипулятивной. Несмотря на существование институциональных структур обеспечения национальной жизни (национальные республики, учреждения образования, культуры и т.д.), конечной целью государства провозглашалось «сближение наций, стирание их различий и формирование единой исторической общности – советского народа» [20, с. 376]. И, конечно, КПСС выстраивала свою национальную политику согласно этой своей доктринальной концепции. В такой ситуации пространство развития национальной культуры, системы образования невольно сужалось, что действительно способствовало ускорению ассимиляционных процессов. Собственно, именно эти цели и преследует любая манипулятивная политика.

К сожалению, уроки краха национальной политики КПСС до сих пор не осмыслены некоторыми политическими силами современной России и обслуживающими их интересы академическими кругами. Проявившие себя в последнее время тенденции в национальной политике Российской Федерации позволяют говорить о возврате манипуляционных технологий в эту чрезвычайно тонкую и сложную сферу нашей жизни.

В настоящее время в российской этнологии и этнополитологии обозначились две взаимопротивоположные позиции, которые наиболее ярко представляют Рамазан Абдулатипов и Валерий Тишков. Первый отстаивает, если можно так выразиться, устоявшийся классический подход, определяющий нацию как общность людей, объединенных общей культурой, территорией, историей, языком и т.д. В таком подходе существует свой понятийно-категориальный аппарат, во многом оправдавший себя и показавший действенность на практике. Р.Г. Абдулатипов настаивает на реальном существовании наций-этносов и необходимости их сохранения как субъектов истории [21]. Его оппоненты отрицают само существование наций-этносов, каковыми, на наш взгляд, являются многие народы Российской Федерации, в том числе и татары.

По мнению В.А. Тишкова, нации-этносы являются мифами: «Этносы существуют исключительно в головах этнографов» [22]. Странно, что подобную точку зрения отстаивает директор Института этнографии и антропологии РАН. Если этносы не существуют в реальности, то что же тогда изучают ученые этого института?

Отрицая нации-этносы, В.А. Тишков и его последователи признают существование лишь наций-государств. Таким образом, статусом нации наделяются лишь те народы, которые успели обзавестись своими государствами. Такой подход, конечно, имеет право на существование. Однако, по мнению Р.Г. Абдулатипова, эти две концепции вовсе не противоречат одна другой: «Если мы хотим формировать Россию как нацию-государство – единую и неделимую родину всех этносов-народов, мы должны с уважением относиться друг к другу, сохранять друг друга, беречь, обеспечивать развитие и традиционную этнокультурную систему самобытного жизнеобеспечения» [21, с. 74].

Между тем теоретические концепции, отрицающие реальность этносов, не так безобидны на практике. Объективно они льют воду на мельницу шовинистических кругов, провозглашающих своей конечной целью ассимиляцию нерусских народов Российской Федерации. Поэтому нельзя не согласиться с директором Института истории Академии наук Татарстана Р.С. Хакимовым, который пишет: «За всем этим у В.А. Тишкова стоит одна идея, что

все этнические, национальные, государственные явления – всего лишь манипуляция каких-то национальных активистов. В соответствии с собственной теорией манипуляций В.А. Тишков на практике пытается заниматься тем же» [23].

Особенно пагубно сказались подобные манипулятивные концепции и технологии на проведении Всероссийской переписи населения 2002 г. В угоду сомнительным политическим целям традиционная и отработанная десятилетиями методика проведения подобных переписей была, по сути, искорежена. Из анкет был исключен ключевой вопрос о родном языке, единый татарский народ в переписных листах был поделен на множество субэтнических групп, с целью формального уменьшения его численности. Однако все эти манипуляции потерпели крах, что был вынужден признать сам их конструктор: «Российская перепись 2002 г. не выполнила свою основную миссию – создать народ для государства» [24, с. 226]. Трудно сказать, чего больше в подобных откровениях: цинизма или простодушия. С другой стороны, мы видим, как отдельные отечественные «либералы» в силу предвзятого отношения к этносам и даже их полного отрицания смыкаются с авторитаризмом самого реакционного толка. На вопрос «Народ для государства или государство для народа?» они дают однозначно державный ответ: «Народ для государства!» В многонациональном, поликонфессиональ-

ном государстве, каковым является Российская Федерация, отрицание этносов по сути сводится к прямой угрозе существования народов: «Вас не должно быть, а посему – ассимилируйтесь!» Именно такая политика стимулирует сепаратизм, ибо ни один народ не желает собственного исчезновения.

К сожалению, в последнее время ощущается некий вакуум в сфере национальной политики Российского государства, который заполняется в лучшем случае космополитическими прожектами, а в худшем – авторитарно-державной идеологией. Как известно, в 1990-е гг. для обеспечения национальной политики государства на уровне федерации существовали соответствующие институциональные структуры: Палата национальностей в прежнем Верховном Совете России, затем Министерство по делам национальностей и федеративных отношений, многочисленные общественные организации, вроде Ассамблеи народов России и т.д. В 1996 г. была разработана и принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, придававшая уверенность в завтрашнем дне многочисленным народам страны. Сегодня все это исчезло. Не странно ли, что реальные народы-этносы объявляются мифами, соответственно, отрицается и необходимость гарантий их прав. Зато политическая система гарантирует широкие права виртуальных по сути партий, тогда как сама партийная жизнь реально отсутствует.

Библиографический список

1. Хасанов, Х. Формирование татарской буржуазной нации / Х. Хасанов. – Казань, 1977.
2. Bennigsen, A. Islam in Soviet Union / A. Bennigsen, C. Lemercier-Quelquejay. – N. Y., 1967.
3. Lazzarini, E.J. Ismail Bey Gasprinskiy and Muslim Modernism in Russia, 1878–1914 / E.J. Lazzarini. – Washington, 1973.
4. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967.
5. Давлетшин, Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики / Т. Давлетшин. – Л., 1974.
6. Усманова, Д. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916 / Д. Усманова. – Казань, 2005.
7. Исхаков, С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) / С.М. Исхаков. – М., 2004.
8. Мухаметшин, Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана) / Р.М. Мухаметшин. – Казань, 2003.
9. Мухаметшин, Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке / Р.М. Мухаметшин. – Казань, 2005.
10. Сафин Р. Татар юлы / Р. Сафин. – Казань, 2002.
11. Хаким Р. Где наша Мекка? / Р. Хаким. – Казань, 2003.
12. Гайнетдинов, Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы / Р.Б. Гайнетдинов. – Набережные Челны, 1997.
13. Гилязов, И.А. На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны / И.А. Гилязов. – Казань, 1998.
14. Devlet, N. 1917 Eklim Intilali ve Turk-Tatar Millet Meclisi / N. Devlet. – Istanbul, 1998.
15. Думин, С.В. **Беларускія татары: мінулае і сучаснасцю** / С.В. Думин, І.Б. Канапацкі. – Мінск, 1993.
16. Адиле Айда. Садри Максуди Арсал : пер. с тур. / Адиле Айда. – М., 1996.
17. Гафарова, Ф.Ю. Татар мөһажирләре / Ф.Ю. Гафарова. – Казан, 2004.
18. Sadri Maksudi Arsal. **Milliyet duygusunun sosyolojik esasları** / Sadri Maksudi Arsal. – Istanbul, 1955; **İkinci baskı: 1975; Ucuncu baskı: 1979.**
19. Исхаки, Г. Идель-Урал / Г. Исхаки. – Париж, 1933.
20. Большая Советская энциклопедия. – М., 1974. – Т. 17.
21. Абдулатипов, Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России / Р.Г. Абдулатипов. – М., 2000.
22. Тишков, В.А. Советская этнография: продолжение кризиса / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1992. – №6.
23. Хакимов Р.С. Судьба этнонима / Р.С. Хакимов // Татарская нация в XXI веке. – Казань, 2006.
24. Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М., 2003.